

П.О. Пирлинг

Россия и папский престол

Книга 1. Русские и Флорентийский собор

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
П11

П11 **П.О. Пирлинг**
Россия и папский престол: Книга 1. Русские и Флорентийский собор / П.О.
Пирлинг – М.: Книга по Требованию, 2021. – 466 с.

ISBN 978-5-518-06946-6

ISBN 978-5-518-06946-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

и въ древней Руси. Поразительная аналогія, еще не огъненная, быть можетъ, должнымъ образомъ.

Вспомнимъ эпоху крестовыхъ походовъ. Уже тогда, въ пору эфемернаго существованія Латинской имперіи, когда все бряцало оружіемъ, когда умы современниковъ всецѣло, казалось, поглощены были задачей освобожденія Іерусалима и торжества надъ Исламомъ, раздался этотъ призывъ къ примиренію восточной Церкви съ западной. Условія соглашенія были уже предложены Византіи... Но зачѣмъ уходить столь далеко въ прошлое? Обратимся къ болѣе позднимъ временамъ. Воскресимъ въ своей памяти тотъ періодъ исторіи, который ознаменованъ былъ двумя церковными соборами—Ліонскимъ и Флорентійскимъ.

Беззащитные противъ напора мусульманъ, гѣснимые королемъ Сициліи, Карломъ Анжуйскимъ, угрожаемые низложеннымъ императоромъ, Балдуиномъ II, византійскіе кесари вzywали къ Западу о помощи. Обращаясь къ римскимъ первосвященникамъ, они указывали имъ на ту опасность, которая создастся для всего христіанскаго міра, если крайній оплотъ его на берегахъ Босфора падеть подъ натискомъ невѣрныхъ. Нѣсколько разъ послы Михаила Палеолога являлись въ Римъ съ такими представленіями. Папы выслушивали ихъ весьма сочувственно. Они обѣщали возбудить благочестивое рвеніе своей паствы и призвать ее на помощь Византіи. Но при этомъ они предлагали греческой Церкви забыть времена Фотіевъ и Керуларіевъ и вернуться къ счастливой порѣ Аѳанасіевъ Великихъ и Златоустовъ, которые исповѣдывали ту же вѣру, что и Римъ, и въ лицѣ первосвященника западной Церкви чтили главу всего христіанскаго міра. Григорій X счелъ данный моментъ настолько благопріятнымъ для своихъ цѣлей, что въ 1274 году созвалъ церковный соборъ въ Ліонѣ. Здѣсь должны были подвергнуться принципиальному обсужденію условія предстоящаго соглашенія съ Византіей. 6 іюля того же 1274 года, между восточной и западной Церквами былъ торжественно заключенъ миръ. Греки признали вер-

ховную власть папы и принесли ему присягу въ вѣрности. Однако, союзъ этотъ оказался слишкомъ непрочнымъ. Ему не удалось пережить императора Михаила. Возгорѣлись вновь ожесточенные и страстные споры, надолго раздѣлившіе христіанскій міръ на два враждебныхъ лагеря.

Отъ времени до времени, впрочемъ, противныя стороны заключали между собою перемиріе. Это бывало тогда, когда опасность со стороны турокъ пріобрѣтала особенно угрожающій характеръ. Въ такіе моменты взоры греко-православныхъ людей съ тоской обращались къ Западу, какъ къ послѣдней надеждѣ. Мысль о примиреніи съ Римомъ, естественно, вновь и вновь выступала на сцену. Около половины XV вѣка мы слышимъ со стороны грековъ уже не только настоятельные призывы, не однѣ усердныя просьбы о денежныхъ субсидіяхъ, какъ то бывало раньше. Нѣтъ, съ береговъ Босфора несетя къ Западу настоящій вопль отчаянія. Греки уже чувствуютъ себя въ смертоносныхъ объятіяхъ Ислама. Все кругомъ захвачено мусульманами. Держится одна только столица. Но и ей грозитъ неминуемая гибель, отъ которой спасти Византію можетъ только чудо. Императоръ Іоаннъ Палеологъ неотступно взываетъ къ римскимъ первосвященникамъ о помощи. Идя навстрѣчу мольбамъ восточнаго кесаря, глава римской Церкви созываетъ соборъ въ Феррарѣ. Затѣмъ слѣдуетъ новый соборъ—во Флоренціи. Виссаріонъ Никейскій и Исидоръ Кіевскій исчерпываютъ здѣсь всѣ средства своего таланта на защиту греко-православной Церкви. Въ 1439 году папа Евгений IV издаетъ буллу о единеніи Церквей и призываетъ западныхъ государей поспѣшить на выручку Византіи, которая уже бьется въ агоніи. Однако, ни его голосъ, ни авторитетъ преемника его, Николая V, не могли спасти восточной столицы. Безсильнымъ оказался и весь героизмъ императора Константина. Судьба предназначила Византію сдѣлаться центромъ турецкаго владычества.

Послѣ паденія Константинополя мусульмане начали угрожать Адриатикѣ и самой Италіи. Борьба съ Исламомъ,

естественно, стала одной изъ главныхъ заботъ римскихъ первосвященниковъ. При такихъ условіяхъ, сношенія Куріи съ Москвою подсказывались самими обстоятельствами. Нужно было противопоставить полчищамъ невѣрныхъ несокрушимую силу соединенныхъ христіанскихъ государствъ. Такъ можно было сдержать движеніе потока, грозившаго волнами своими залить Европу. Папы искали союзниковъ повсюду. Понятно, что они не могли оставить безъ вниманія могущественныхъ государей Русской земли. Но здѣсь мы обязаны отмѣтить, что, при всемъ разнообразіи внѣшнихъ историческихъ условій, религиозная политика Рима въ сношеніяхъ съ Москвой оставалась, въ сущности, неизмѣнной. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе Руси было совсѣмъ не то, что Византіи. Грозный врагъ не заносилъ надъ сѣверной державой своей сокрушительной десницы. Поэтому не великіе князья обращаются къ Риму, а скорѣе сами папы ищутъ союза съ ними. На Западѣ извѣстно, что русскіе государи располагаютъ огромной военной силой,—и, вотъ, римскіе первосвященники уже мечтаютъ—двинуть эту лавину на защиту христіанскаго міра. Что же предложить Римъ московскимъ государямъ въ награду за такую помощь? Королевскую корону, почетный титулъ, содѣйствіе въ мирныхъ сношеніяхъ Москвы съ Западомъ. Порою, да и то лишь въ рѣдкихъ случаяхъ,—посредничество въ спорахъ Россіи съ Польшей. Словомъ, политическая конъюнктура оказывалась здѣсь совсѣмъ иною, нежели раньше, съ Византіей. И, однако, проекты церковнаго единенія, предлагавшіеся Римомъ, оставались совершенно тождественными какъ въ Москвѣ, такъ и въ Константинополѣ. Если время и внѣшнія условія такъ мало вліяли на религиозную политику Куріи, то еще меньше зависѣла она отъ личныхъ склонностей отдѣльныхъ римскихъ папъ. Отъ кого бы ни являлись уполномоченные Куріи на Востокъ, кто бы ни подписывалъ папскихъ посланій—будь то Александръ VI или Григорій XIII, Левъ X или Сикстъ V,—мы слышимъ все тѣ же рѣчи. Передъ нами—доктрина,

неизмѣнно переходящая отъ одного столѣтія къ другому.

Въ самомъ дѣлѣ, каковъ основной принципъ всѣхъ этихъ папъ? Единство Церкви и нераздѣльность верховной власти римскаго первосвященника. Истина—одна. Хранить ея святню можетъ только одинъ ковчегъ. Такимъ ковчегомъ является единая истинная Церковь. Гдѣ же средоточіе этой Церкви? Въ Римѣ? Въ Константинополѣ? Быть можетъ, въ Москвѣ, которая величаетъ себя третьимъ Римомъ? Для католиковъ существуетъ только одна истинная Церковь. Это—та, которую утвердилъ Христосъ на незаблемомъ камнѣ св. Петра. Она одна—хранительница великихъ обѣтованій, данныхъ всему христіанскому міру въ лицѣ главы апостоловъ и его законныхъ преемниковъ, епископовъ римскихъ. Объ этомъ учатъ вселенскіе соборы: о томъ же свидѣлствуютъ святые отцы восточной и западной Церкви. Опору свою эти завѣты находятъ и въ церковной практикѣ первыхъ вѣковъ христіанства. Въ глазахъ римскихъ первосвященниковъ русская Церковь, равно какъ и греческая, является лишь вѣтвью, отдѣлившейся отъ основного ствола. Вотъ почему они считали своимъ священнымъ долгомъ позаботиться о возстановленіи первоначальнаго единства. Правда, восточная Церковь унаслѣдовала отъ прошлаго свою іерархію, таинства, обряды. Пусть такъ: нужно согласиться лишь по нѣкоторымъ вопросамъ догматическаго характера,—особенно же относительно верховной власти папы, понимаемой не только въ смыслѣ почетной прерогативы, но и обязующей всѣхъ подчиняться его юрисдикціи. Отсюда беретъ свое начало обычная формула, предлагавшаяся греко-православнымъ всякій разъ, какъ возникалъ вопросъ о соединеніи Церквей: единство вѣры при сохраненіи традиціонныхъ обрядовъ. Римская Церковь не можетъ измѣнить ни іоты въ тѣхъ священныхъ завѣтахъ, которые открыты ей и ввѣрены для нерушимаго храненія. Поэтому она категорически требуетъ безусловнаго признанія своей собственной доктрины. Тѣмъ большій либерализмъ обнаруживаетъ она по отношению къ временной и преходящей сторонѣ культа, т. е.

къ вопросамъ литургическаго характера и церковнаго права. Въ связи съ различными задачами своей политики какъ въ Византіи, такъ и въ Москвѣ, папы постоянно имѣютъ въ виду соединеніе Церквей на указанныхъ выше условіяхъ. Объ этомъ они говорятъ то прямо, то обинякомъ; въ всякомъ случаѣ, здѣсь—основная цѣль, которую ставятъ себѣ преемники святого Петра. Наблюдая это стремленіе примирить Церкви и возстановить ихъ прежнее единство, нѣкоторые историки усматриваютъ въ немъ „завоевательную тенденцію“ римскаго престола. Они приписываютъ Куріи жажду власти и силы.. Такія характеристики могутъ породить самыя нежелательныя недоразумѣнія.

Если для папъ религіозный вопросъ игралъ центральную роль, то московскіе государи придавали ему второстепенное значеніе. Какъ извѣстно, Москва безусловно отрицательно отнеслась къ постановленіямъ Флорентійскаго собора: въ глазахъ русскихъ людей то были опасныя новшества. Непрїязнь ихъ къ латинянамъ все увеличивалась. Послѣ того, какъ турки завладѣли Константинополемъ и обратили храмъ св. Софіи въ мечеть, русскіе еще болѣе утвердились въ своемъ убѣжденіи, что они—единственные хранители истиннаго христіанства. Роковое заблужденіе! Самая идея Церкви утратила на русской почвѣ свой настоящій смыслъ. Это зависѣло отъ систематическаго вмѣшательства государственной власти въ дѣла вѣры. Свѣтскіе правители произвольно назначали епископовъ, созывали соборы, брали на себя руководство церковными реформами. Такимъ образомъ концепція духовной власти—самостоятельной въ своей сферѣ и отвѣтственной только передъ Богомъ,—рушилась, уничтожаясь практикой, обрекавшей Церковь на самое жалкое рабство. Конечно, могущество мірской власти въ дѣлахъ Церкви могло только льстить государямъ; ограничить свой произволъ въ этой сферѣ или совсѣмъ отказаться отъ него было бы для нихъ слишкомъ тяжелой жертвой. Тѣмъ не менѣе, подчиняясь необходимости или слѣдуя своимъ по-

литическимъ расчетамъ, они, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сами заводятъ сношенія съ Куріей. Подобно Василию III, который обращался къ Клименту VII, они просятъ прислать въ Москву зодчихъ или мастеровъ; порою, по призыву Ивана IV, они ходатайствуютъ передъ папою о посредничествѣ между Россіей и Польшей. Обыкновенно, эти сношенія приводили къ тому, что Курія опять выдвигала свой излюбленный проектъ, т. е. заговаривала объ Уніи. Въ такихъ случаяхъ, московскіе государи ограничивались весьма уклончивыми отвѣтами. Когда же къ нимъ подступали вплотную, они откровенно признавались въ своей рѣшимости умереть, не измѣняя вѣрѣ предковъ. Такимъ образомъ, доктрина Куріи постоянно встрѣчала въ Кремлѣ неодолимое сопротивленіе. Нельзя сказать, чтобы ей противопоставлялось какое-либо другое ученіе. Нѣтъ, она сталкивалась съ вѣковымъ предубѣжденіемъ, съ ругиною, съ привычными злоупотребленіями государственной власти. Преодолѣть все это было тѣмъ труднѣе, чѣмъ больше сказывалось здѣсь самодовольнаго невѣжества въ вопросахъ богословскаго знанія, а порою и самыхъ наивныхъ предрасудковъ. Вспомнимъ хотя бы пресловутые диспуты Ивана IV съ Поссевиномъ: какъ великолѣпно иллюстрируютъ они такое положеніе! Но пусть въ вопросахъ вѣры русскимъ людямъ и не доставало образованія. По крайней мѣрѣ, они проявляли здѣсь извѣстную искренность. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же объ ихъ политической тактикѣ. Правда, московскіе государи охотно называли себя воинами Церкви Христовой. Они заявляли даже о своей готовности участвовать въ крестовомъ походѣ на турокъ. Но весь этотъ воинственный пылъ никогда не шелъ дальше платоническихъ стремленій. На дѣлѣ, Москва предпочитала не нарушать мира съ могущественнымъ сосѣдомъ и предоставляла другимъ славу защитниковъ христіанской вѣры.

Что касается польскихъ королей, то они занимали весьма щекотливое положеніе между Римомъ и Москвою,

т.-е. между апостолами церковнаго единства или крестоносной брани съ Исламомъ и лукавыми политиками кремлевскаго дворца, знавшими всякія уловки и умѣвшими отлично притворяться. Чаше всего мы видимъ, что, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, эти короли принимаютъ болѣе или менѣе активное участіе въ сношеніяхъ Ватикана съ Москвою. Однако, этого было мало. Развѣ не обязаны были представители католическаго государства рѣшительно примкнуть къ папамъ и совмѣстно съ ними направить всѣ свои усилія на достиженіе великой цѣли, т.-е. Уніи Церквей? Къ сожалѣнію, приходится констатировать, что порою лучшія намѣренія польскихъ королей парализовались роковой силой историческихъ традицій или неудачно сложившимися внѣшними условіями.

Начать съ того, что всѣ эти государи смотрѣли на религіозный миръ, какъ на чистую химеру. Вотъ почему, при малѣйшей попыткѣ Москвы сблизиться съ Римомъ, они вездѣ готовы были видѣть ловушку, разставляемую русскими политиками для главы католической Церкви. Ничто не могло поколебать убѣжденія Польши, что ея восточный сосѣдъ добивается временныхъ благъ, что его манятъ къ себѣ лишь громкіе титулы и мірская слава. Мы знаемъ, что Римъ не разъ пытался соблазнить московскихъ государей блескомъ королевской короны. Этотъ пріемъ папской политики удручающимъ образомъ дѣйствовалъ на Польшу. Неоднократно здѣсь распространялась молва, будто эта корона уже находится на пути въ Кремль. Немедленно на границу легли строжайшіе приказы—смотреть въ оба глаза, не пропускать никого, не дознавшись откуда, куда и зачѣмъ кто ѣдетъ... Но все ограничивалось напрасной тревогой: гонцы, которыхъ ждали, такъ и не показывались... Оно и понятно. Преемники Мономаха, связанные родствомъ съ домомъ византійскихъ императоровъ, московскіе государи не слишкомъ обольщались королевскою короной. Имъ нужно было совсѣмъ иное. Они до-

бывались того, чтобы западная Европа признала за ними права на титулы, самовольно присвоенные ими.

Положеніе осложнилось еще тѣмъ, что интересы обѣихъ сторонъ были діаметрально противоположны. Правда, и русскіе, и поляки были побѣгами одного и того же славянскаго корня. Но первые подпали вліянію Византіи, между тѣмъ какъ вторые подверглись воздѣйствію Рима. Между обоими сосѣдними государствами существовала непримиримая національная вражда. Ее питали вѣчные споры изъ-за границъ. Въ пору татарскаго нашествія Польша сумѣла воспользоваться временнымъ ослабленіемъ русской державы. Пока несчастная страна изнывала подъ игомъ монголовъ, поляки и литовцы захватили нѣсколько областей, когда-то принадлежавшихъ князьямъ Рюрикова дома. Объединившись впоследствии подъ именемъ Рѣчи Посполитой, они, конечно, не допускали и мысли о восстановленіи нарушенныхъ правъ своего сосѣда. Между тѣмъ, населеніе захваченнымъ земель тайно тяготѣло къ Москвѣ. Таковъ былъ главный источникъ постоянной вражды обѣихъ славянскихъ государствъ—вражды, нерѣдко переходившей въ вооруженныя столкновенія.

Легко себѣ представить, въ какомъ ужасномъ затрудненіи оказывались польскіе короли, когда къ нимъ обращались съ просьбой о содѣйствіи посламъ римской Куріи, отправлявшимся въ Москву. Государя Рѣчи Посполитой упорствовали въ своемъ убѣжденіи, что подобныя попытки не принесутъ никакой пользы Церкви, но зато будутъ имѣть самыя печальныя политическія послѣдствія. Конечно, имъ не хотѣлось ни портить отношеній съ Римомъ, ни играть въ руку своему исконному врагу. Война съ турками совѣмъ не возбуждала ихъ энтузіазма. Въ концѣ концовъ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, имъ удавалось уклониться отъ мисси, возлагаемой на нихъ Куріей. Подобная тактика нарушалась Польшей только тогда, когда Рѣчь Посполитая особенно нуждалась въ мирѣ съ Москвою или мечтала о приобрѣтеніи новыхъ об-

ластей. Въ такіе моменты она охотнѣе шла навстрѣчу планамъ Рима, открывая тѣмъ самымъ возможность болѣе сложныхъ дипломатическихъ комбинацій. Разумѣется, мы характеризуемъ здѣсь эту политику въ самыхъ общихъ чертахъ. Перейдя къ изображенію самихъ историческихъ событій, мы увидимъ, какъ въ ихъ послѣдовательной смѣнѣ красной нитью проходятъ отмѣченныя нами тенденціи.

II.

Много вѣковъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ арійцы, пришедшіе въ Европу, заняли ея обширную сѣверо-восточную равнину. На пространствѣ всей исторіи этихъ русскихъ славянъ какая-то таинственная сила влекла ихъ въ объятія Рима. Хлодвигомъ русской земли былъ великій князь Владиміръ «Красное солнышко»—герой былинъ, правившій въ Кіевѣ въ концѣ X вѣка. Слѣдуя примѣру бабки, св. Ольги, возлюбившей свѣтъ и отвергшей тьму, онъ не только самъ принялъ христіанскую вѣру, но и крестилъ свой народъ въ Днѣпрѣ, уничтоживъ идоловъ Перуна. Въ передачѣ лѣтописей это событіе окрашено легендарнымъ оттѣнкомъ. Исторически достовѣрнымъ можно признать лишь то, что Владиміръ осаждалъ Корсунь, вступилъ въ бракъ съ царевной Анной, дочерью византійскихъ императоровъ и былъ современникомъ греческихъ миссіонеровъ, которые вели свою пропаганду въ Кіевѣ. Съ момента крещенія, Русь формально примыкала къ восточной Церкви. Мы знаемъ, впрочемъ, что сестра Анны, Теофанія, была супругою императора Оттона II. Этотъ бракъ косвеннымъ образомъ связывалъ русское государство съ Западомъ и отраженнымъ блескомъ своимъ озарялъ кіевскаго великаго князя.

Въ ту пору вражда Рима съ Византіей перемежалась еще моментами перемирій. Вотъ почему, не взирая на свою преданность Царьграду, русскіе отправляли посольства въ

священный городъ, къ могиламъ апостоловъ. туда, гдѣ св. Кириллъ и Меодій начинали свою просвѣтительную дѣятельность. Со своей стороны, преемники папы Николая I дарили кіевскимъ князьямъ различныя реликвіи: при этомъ уполномоченные римской Куріи встрѣчали со стороны народа русскаго самый радушный пріемъ. Упомянутія объ этомъ мы находимъ въ русскихъ лѣтописяхъ, какъ извѣстно, отличающихся крайнимъ лаконизмомъ. Одному изъ западныхъ миссіонеровъ мы обязаны болѣе подробнымъ и живымъ сообщеніемъ по тому же поводу.

Вознамѣрившись проповѣдывать Евангеліе печенѣгамъ, нѣкій Брюнонь, въ монашествѣ—Бонифацій, проѣздомъ остановился въ Кіевѣ. Великій князь Владиміръ радушно принялъ католическаго миссіонера. Онъ не отпускалъ его отъ себя въ теченіе цѣлаго мѣсяца и всячески старался отклонить его отъ рискованной затѣи. Но твердость Бонифація оказывалась непреклонной. Къ тому же Владимира встревожилъ какой-то вѣщій сонъ. Тогда онъ не только отпустилъ миссіонера изъ Кіева, но и проводилъ его самъ, проѣхавъ съ нимъ цѣлыхъ два дня. Прибывъ на русскій рубежъ, великій князь трогательно простился со своимъ гостемъ. Послѣ этого Бонифацій взошелъ на курганъ и громко заплѣлъ, повторяя извѣстные слова Евангелія: «Петръ, любишь ли меня?.. Паси овецъ моихъ». Голосъ миссіонера донесся до Владимира. Великій князь снова началъ упрашивать монаха взять совѣтамъ благоразумія. Напрасно. «Пусть Богъ откроетъ тебѣ двери въ рай, какъ ты мнѣ открылъ путь къ невѣрнымъ»... Вотъ все, что твердилъ ему въ отвѣтъ Бонифацій. Вернувшись отъ печенѣговъ, миссіонеръ сообщилъ, что онъ крестилъ до тридцати язычниковъ. Тутъ же онъ условился съ великимъ княземъ о мѣрахъ, необходимыхъ для поддержанія мира и распространенія истинной вѣры. Всѣ эти подробности мы узнаемъ изъ его собственнаго письма, адресованнаго будущему императору Генриху II въ 1007 году. Въ Касселѣ хранится копія этого документа на пергаментѣ